

Др҃вѣннѣ Др҃вѣннѣ

Мозаичная икона Господа Вседержителя из часовни Всемиловитого Спаса. Фото 2018 года

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ЛЕТОПИСЬ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ЖИЗНИ. Итоги уходящего года. Престольный праздник С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ 2. ИСТОРИЯ ЕДИНОВЕРИЯ. Н.П. Зимина. Столетие архиерейской хиротонии первого единоверческого епископа священномученика Симона (ШЛЕЕВА) ОХТЕНСКОГО 11. ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ. П.Г. Чистяков.

Главы из книги о чудотворной иконе Божией Матери Иерусалимской 18. ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ. М.Н. Душин. Духовная жажда. К двухсотлетию юбилею П.И. Мельникова-Печерского 27. СТРАНИЦЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА. И. Сургучев. Детство Императора Николая II (По воспоминаниям В.К. Олленгрэна) 33.

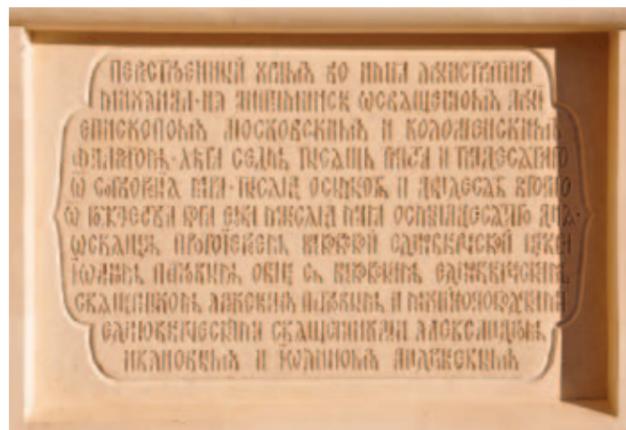
ЛЕТОПИСЬ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

ИТОГИ УХОДЯЩЕГО ГОДА

Преддверие Престольного праздника храма Архангела Михаила – это время подведения итогов для единоверческой общины: что же удалось выполнить за уходящий год, какие задачи предстоит решать в ближайшем будущем.

Несмотря на значительные материальные трудности, с помощью Божией удалось сделать немало по благоустройству храма и его территории.

В иконостасе главного Михаило-Архангельского алтаря усердием иконописца Сергея Егоровича Щербатых завершено написание икон праздничного ряда. Другой изограф Евгений Владимирович Мягков продолжил написание минейных месячных икон в трапезную часть храма. Сейчас таких образов девять, все они обрамлены чеканными окладами. Были изготовлены три евхаристических богослужебных набора с искусной гравировкой. Престолы алтарей храма были украшены пеленами с вышитыми на них текстами и изображениями Херувимов. Северная пристройка храма была оборудована

Закладная белокаменная доска с южного фасада храма Архангела Михаила. Фото 2018 года

на деревянной мебели. На фасады древнего четверика церкви были установлены четыре белокаменные закладные доски, повествующие о важнейших событиях в истории Михаило-Архангельской единоверческой общины:

— о построении храма в 1689 году:

Лета 7195 (1687) зачата бысть святая церковь строить при державе Великих Государей Царей и Великих Князей Иоанна Алексевиича и Петра Алексевиича всея Великия и Малыя и Белья Русии самодержцев по благословению великаго господина Святейшаго Иоакима Патриарха Московскаго и всея Русии. Совершена в лето 7197 (1689) июля в 21 день тцанием и радением всечестныя игуменни Пелагеи Константиинны;

— об обращении храма в единоверческий в 1817 году (резолуция архиепископа Дмитровского Августина):

Бронницкой Округи в Церкви Архистратига Михаила, что в Михайловской Слободе, всякую Боже

Тихвинская икона Божией Матери из одноименной часовни. Фото 2018 года

ственную службу благословляем отправлять по старопечатным книгам, также и требы в домах, уповая, что через сие отделяющиеся от единения Церкви Христовой соединятся с Оною и будут общники Вечери Господней во спасение свое и в живот вечный, о чем не престанем возсылать недостойныя молитвы наши к Верховному Пастыреначальнику Господу нашему Иисусу Христу, приводящему во двор Свой ины овцы, яже не суть от двора Его;

— об освящении храма после перестройки в 1822 году:

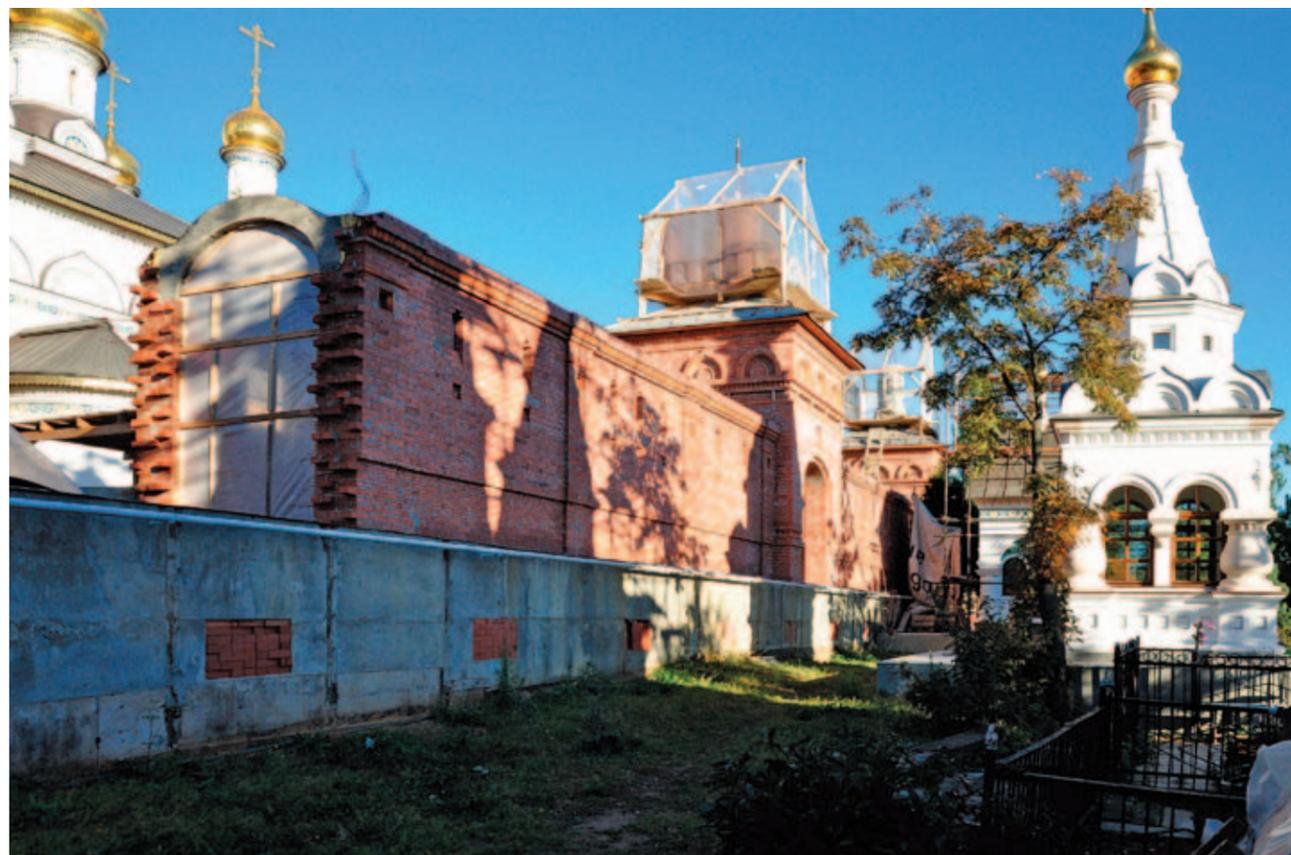
Перестроенный храм во имя Архистратига Михаила на антимиинсе освященном архиепископом Московским и Коломенским Филаретом лета 7330 от сотворения мира, 1822 от Рождества Бога Слова, месяца мая, 18 дня освящен протоиереем московской единоверческой церкви Иоанном Петровым обще с московским единоверческим священником Алексеем Петровым и с михайлослободскими единоверческими священниками Александром Ивановым и Иоанном Андреевым;

Икона Покрова Пресвятой Богородицы с фасада одноименной часовни. Фото 2018 года

Смоленская икона Пресвятой Богородицы из одноименной часовни. Фото 2018 года

Фрагмент нового участка галереи с северо-восточной стороны храма. Фото 2018 года

Минейная икона месяца мая. Фото 2018 года

— о служении в храме священномученика Симона епископа Охтенского в 1918 году:

Лета 7426 от сотворения мира, 1918 от Рождества Бога Слова, июля двадцатого дня, в праздник святого славного пророка Божия Илии Фезвитянина, в единоверческой церкви Архистратига Божия Михаила и всех Небесных Сил Бесплотных села Михайловская Слобода, по приглашению старейшины Михаило-Архангельского единоверческого общества Павла Стефановича Жагина совершил богослужение святыми священномученик Симон (Шлеев), единоверческий епископ Охтенский.

Значительные объемы работ были выполнены на территории храма. Произведена реконструкция бывшей трапезной — ныне одного из домов причта. Построена часть галереи с воротами, оградившей храм с северной и восточной стороны.

Много было сделано для дальнейшего благоустройства приходского кладбища.

Часовня в честь иконы Пресвятой Богородицы «Троеручицы». Фото 2018 года

Дмитрием Павловичем Анисимовым была закончена роспись стен и свода Тихвинской часовни. В ней, а также в часовне в честь Всемиловитого Спаса были установлены резные белокаменные престолы.

Покровская часовня была украшена фронтоном из майолики и мозаичной иконой Покрова Пресвятой Богородицы. К имевшимся ранее часовням добавилась еще одна — в честь Иеросалимской иконы Божией Матери. На ее фасаде были установлены мозаичные образы верховных апостолов Петра и Павла.

Хотелось бы сказать несколько слов о замечательном мастере, украшающем архитектурный ансамбль церковных строений на территории храма Архангела Михаила. Алексей Борисович Лебедев родился в 1972 году. Он окончил Московский государственный академический художественный институт имени В.И. Сурикова при Российской академии художеств — мастер-

ская монументальной живописи профессора, народного художника Российской Федерации, академика Е.Н. Максимова. Под руководством последнего он участвовал в росписи храма Христа Спасителя, а также написал для этого собора несколько икон. В дальнейшем занимался росписью многих других храмов. Первый опыт работы с мозаикой был около десяти лет назад, когда Алексей Борисович принял участие в благоустройстве мозаичными образами алтаря храма Рождества Христова города Фрязево. Последние несколько лет изограф тесно сотрудничает с Михаило-Архангельской единоверческой общиной. Искусно выполненные им иконы, установленные внутри часовен и на их фасадах, молитвенно вдохновляют прихожан нашего храма. Несмотря на ограниченную выразительность средств, которые имеет используемая для мозаичных икон смальта, образы имеют изысканную живописную моделировку.

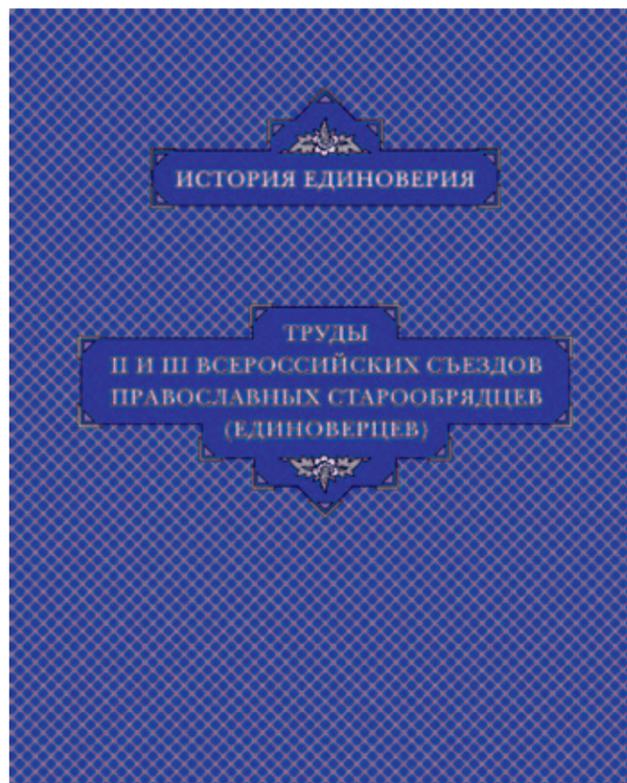
Иконы Алексея Борисовича очень тонко выдержаны в тоне и цвете. Работам присуща цельность, монументальность и чувство масштаба. Следуя всем каноническим требованиям, изографу удалось добиться удивительной живости и живописности изображений.

Наступающий год выдвигает перед Михаило-Архангельским единоверческим обществом новые задачи, как в области строительства и благоустройства, так и в духовном созидании душ всех членов

нашей общины. По слову святого верховного апостола Петра, христиане — это живые камни, которые должны устроить из себя дом духовный. Созидание этого духовного дома каждой души есть первейшая цель жизни каждого из нас. Только тогда, когда мы будем стремиться к этому, будут иметь смысл и значение все прочие труды по благолепному украшению Дома Божия, которому надлежит вмещать в себя благоговейных и благочестивых рабов Христовых, прославляющих Его Пресвятое Имя.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ

МИХАИЛО-АРХАНГЕЛЬСКОЙ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ

начало которой было положено в 2004 году, когда была напечатана книга священномученика Симона (Шлеева) Охтенского «Единоверие в своем внутреннем развитии (в разъяснение его малораспространенности среди старообрядцев)» (стоит сказать, что летом 2018 года вышло переиздание этой монографии). В ней первый единоверческий епископ описал историю единоверия до 1910 года. В декабре 2012 года издательством прихода единоверческого храма Архангела Михаила села Михайловская Слобода была опубликована книга «Труды Первого Всероссийского съезда православных старообрядцев (единоверцев)». Книга о Первом единоверческом съезде, прошедшем 21–28 января 1912 года в Санкт-Петербурге, представила вниманию читателей картину жизни Всероссийского единоверия начала двадцатого столетия, его успехи, нужды и проблемы.

Новое издание прихода Михаило-Архангельского единоверческого храма села Михайловская Слобода состоит из двух частей. В первой из них представлена книга «Второй Всероссийский съезд православных старообрядцев (единоверцев) в Нижнем Новгороде 23–28 июля 1917 года», изданная Советом Всероссийских съездов православных старообрядцев в Петрограде в 1917 году, а во второй части публикуется архивное дело, состоящее из документов Третьего Всероссийского съезда православных старо-

В конце сентября 2018 года при содействии Михаила Владимировича Апалонина и сотрудников типографии «Линия График» вышла в свет новая книга Михаило-Архангельской единоверческой общины «Труды Второго и Третьего Всероссийских съездов православных старообрядцев».

Это издание продолжило серию публикаций, посвященных истории единоверия,

обрядцев (единоверцев) (Нижний Новгород, 19–22 июня 1927 года), находящееся на хранении в Государственном архиве Российской Федерации. Труды Третьего единоверческого съезда публикуются впервые. Вскоре после проведения Третьего съезда многие приходы, представители которых участвовали в его работе, были закрыты. Однако труды единоверческого съезда и предшествовавшие ему события показывают, что несмотря на все сложности, для многих единоверцев жизненные интересы были

такими же, как и для их благочестивых предков. Они до последней возможности продолжали жить церковной жизнью, заботой о развитии дорогому их сердцам православного старообрядчества.

Многие участники Второго и Третьего Всероссийских съездов православных старообрядцев стали новомучениками и исповедниками, оставшись преданными спасительному делу Христа до конца. Некоторые из них канонизированы Русской Православной Церковью.

ТОРЖЕСТВА ПО СЛУЧАЮ

ПРЕСТОЛЬНОГО ПРАЗДНИКА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ СЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ ЛЮДМИЛЫ, КНЯГИНИ ЧЕШСКОЙ

По благословению Преосвященного Мстислава, епископа Тихвинского и Лодейнопольского, настоятеля санкт-петербургского Людмилинского единоверческого прихода, состоялись торжественные богослужения в паломнической поездке к святыням Тихвинского края и в храме общины в честь небесной покровительницы — святой Людмилы, княгини Чешской.

Возглавил праздничные богослужения настоятель Михаило-Архангельского единоверческого храма города Верхний Тагил Нижнетагильской и Невьянской епархии Екатеринбургской митрополии священноиерей Сергей Комаров, на протяжении полутора лет окормляющий Людмилинскую единоверческую общину.

28 сентября состоялась паломническая поездка священноиерея Сергея Комарова, иерея Феодора Лаврентьева, настоятеля храма Казанской иконы Божией Матери села Ушаки Гатчинской епархии, ключаря Людмилинской общины А.М. Гныпа и клирошан прихода в монастыри Старой Ладogi и Тихвин.

Первым местом богомолья был Никольский мужской монастырь Старой Ладogi. Это одна из древнейших обителей Старой

Ладogi, основанная благоверным князем Александром Невским после победоносного сражения со шведами в Невской битве.

В Свято-Успенском Староладожском девичьем монастыре паломников встретила настоятельница обители игумения Ангелина (Васильева). Датой основания обители принято считать 1156 год. Главный храм монастыря — собор Успения Пресвятой Богородицы (1154–1159) — самый северный из храмов домонгольской Руси. После экскурсии по древней обители богомольцы совершили молебен древним чином Успению Пресвятой Богородицы в соборном храме.

Следующим местом паломничества был Тихвинский Успенский Богородичный мужской монастырь. Здесь гостей встретил благочинный обители иеромонах Ианнуарий (Рухлов). Молебен перед главной святыней монастыря — Тихвинской иконой Божией Матери совершил священноиерей Сергей Комаров в сослужении иерея Феодора Лаврентьева, братии обители и клирошан Людмилинской общины.

29 и 30 сентября богослужения в честь святой мученицы Людмилы Чешской были

Священноиерей Сергей Комаров с членами Людмилинской единоверческой общины. 30 сентября 2018 года

совершены в «пещерном» храме во имя преподобного Александра Свирского при Христорождественском подворье Свято-Троицкого Александро-Свирского мужского монастыря в Санкт-Петербурге, где на протяжении двух лет действует и формируется единоверческий приход. Утром 29 сентября были совершены службы суточного круга и водосвятный молебен святой мученице Людмиле. Всенощное бдение началось в 15 часов и закончилось в 22 часа. В воскресенье 30 сентября состоялась Божественная литургия, которую предваряли полунощница и служба часов. Отрадным событием благочестивого жития единоверческой общины стала возможность причащения Святых Христовых Таин многими прихожанами. После Божественной литургии состоялся крестный ход, затем были возглашены многолетия Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Кирил-

лу, митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Варсонофию, епископу Тихвинскому Мстиславу, епископу Нижнетагильскому Евгению, старосте А.М. Гныпу и прихожанам общины.

Днем гости и члены общины посетили святыни Санкт-Петербурга, поклонились мощам святого благоверного великого князя Александра Невского, святого праведного Иоанна Кронштадтского, святой блаженной Ксении Петербургской, а также совершили заупокойные литии на могилах деятелей единоверия: купца И.И. Милова — основателя Николо-Мировской единоверческой общины и на Волковом кладбище по академику князю А.А. Ухтомскому — старосте Никольской единоверческой церкви на Никольской улице.

Использованы материалы интернет-сайта Тихвинской епархии Русской Православной Церкви — tikhvin-eparhia.ru

ИСТОРИЯ ЕДИНОВЕРИЯ

СТОЛЕТИЕ АРХИЕРЕЙСКОЙ ХИРОТОННИ ПЕРВОГО ЕДИНОВЕРЧЕСКОГО ЕПИСКОПА СВАЩЕННОМУЧЕНИКА СИМОНА (ШЛЕБЕВА) ОХТЕНСКОГО

УФА

Окончание, начало в номерах 4–5 (80–81)

ПОСЛЕ ПРИБЫТИЯ

Владыка Симон прибыл в Уфу, по-видимому, числа 6–8 мая 1920 года. Вместе с ним приехали дочь Ксения и престарелая инокиня-родственница. По одним свидетельствам, это была двоюродная сестра почившей супруги Владыки, по другим — его самого.

Имя этой матушки точно не известно — то ли Людмила Михайловна, то ли Маргарита Михайловна, то ли Маргарита Григорьевна; это была видная, красивая старушка. За Ксенией матушка ухаживала уже многие годы, не оставила она Владыку с дочкой и в далекой поездке.

Жить архиерею на первых порах было фактически негде. В Уфе имелся построенный еще в 1826–1828 годы просторный каменный Архиерейский дом, в котором располагались архиерейские покои, приемная, рабочие кабинеты, помещение для общепархиальных собраний, крестовая Духовская церковь. Однако власти заняли его еще во времена гражданской войны и возвращать Церкви не собирались, в 1920 году в нем находилась детская больница. Поэтому Владыка временно поселился со своими домашними в маленьком домике на территории Уфимского Благовещенского женского монастыря. Домик этот

Дубки. Начало XX века

находился около монастырской трапезной (до нашего времени он не сохранился). Занимали они две комнатки: в одной жил Владыка с келейником Шурой Негановым, в другой — Ксения с матушкой-инокиней. А тем временем Владыка и Епархиальный совет предпринимали актив-

ные усилия по возвращению Архиерейского дома, в связи с чем завязалась оживленная переписка. <...>

Но Архиерейский дом так и не был возвращен Церкви. Более того, власти выселили Владыку и из его первого временного пристанища, так как приняли решение об изъятии части помещений Благовещенского монастыря. Владыке пришлось приискать себе другое жилье. Переселился он в одноэтажный деревянный дом, стоявший напротив Всехсвятской церкви в «Дубках» или «Дубничках» — местечке на крутом берегу реки Белой, где густо разрослась дубовая рощица. «Дубнички» располагались ниже Архиерейского дома в так называемой Архиерейской слободе. Отсюда совсем недалеко было и до кафедрального собора, минут пять — семь ходьбы, и до 1-й советской школы, в которой начала учиться Ксения.

НА УФИМСКОЙ КАФЕДРЕ

Уфимский епископ полностью погрузился в архипастырские заботы: совершал богослужения в кафедральном Воскресенском соборе, других храмах Уфы и в окрестных селах, рукополагал священников и диаконов, вникал в дела приходских общин, принимал десятки посетителей, вел обширную переписку.

21 июля 1920 года Владыка Симон впервые вел службу на празднование Казанской иконы Божией Матери, которое для Уфимской епархии издревле являлось особым торжеством. <...>

Сохранилось описание той первой поездки Владыки в село Богородское (даты в заметке указаны по старому стилю).

Накануне 8 июля, по приглашению прихожан и местного причта владыка Симон прибыл в с. Богородское и был встречен большим количеством прихожан. Владыка отслужил на 8 июля Всенощную в сослужении десяти иереев и нескольких дьяконов, протодьякона и хора городских певчих.

Молящихся было огромное количество. Утром 8 июля Преосвященный Симон отслужил вне храма литию. После продолжительного поучения со всеми сослуживцами и молящимися Преосвященный Симон с крестным ходом со Святой Чудотворной Иконой двинулись на место явления Святого Чудотворного Образа. Епископом Симоном был отслужен молебен, и Святая Чудотворная Икона была при сопровождении причта и молящихся отправлена в г. Уфу. В Уфе все причты приходов и прихожане встретили Св. Икону. В Уфе скопилось огромное, как никогда, количество молящихся и владыка Симон на открытом воздухе совершил Всенощное бдение.

8 июля Преосвященный Симон пригласил духовенство и мирян для братской беседы и вел среди собравшихся душевную беседу, по-отечески давая простые наставления для христианской жизни, откушав простой трапезы, которая была приготовлена в доме настоятеля Церковно-приходского совета из пожертвованных продуктов местных прихожан.

Епископ Симон прибыл в епархию, по территории которой несколькими волнами прокатилась гражданская война. В годы войны и вскоре после ее окончания Уфимская епархия потеряла ряд замечательных священнослужителей и мирян, принявших мученическую кончину. При отступлении армии Колчака епархию покинули, по благословению епископа Андрея, десятки священнослужителей. Долгое отсутствие в Уфе архиерея привело к положению, когда на многих приходах жизнь замерла, наблюдались даже случаи обращения ищущих священнического сана лиц в соседние епархии. Поэтому одной из первых забот Преосвященного Симона являлось устройство на всех приходах регулярной богослужбной жизни. Архив Уфимской епархии того времени не сохранился, и нам известно лишь о немногих из совершенных Владыкой назначений и хиротоний.

В 1920 году он возвел в сан игумении Уфимского Благовещенского женского монастыря монахиню Зосиму. Игумения Зосима (в миру Озерова Елена Георгиевна, 1879–15.05.1968) родилась в деревне Усольской Уфимской губернии. В раннем возрасте она осталась сиротой и пятилетней девочкой была отдана на воспитание в Благовещенский женский монастырь, где окончила монастырскую школу, в 1899 году была пострижена в рясофор с именем Августины, затем определена письмоводительницей при монастыре. В 1912 году она приняла постриг в мантию с именем Зосимы, а через 8 лет Господь судил ей принять крест управления родной обителью. Возможно, это событие произошло 4 июня 1920 года, во всяком случае, именно в этот день Владыка поднес матушке свой петроградский портрет с дарственной надписью на обороте.

Всею своею многоскорбной, но светлой жизнью игумения Зосима оправдала доверие к ней Владыки Симона. <...>

В 1921 году в праздник славных и всехвальных первоверховных апостолов

Панорама Уфы. Начало XX века

Петра и Павла Владыка Симон совершил хиротонию во диакона к Свято-Троицкой церкви села Троицкое Стерлитамакского уезда Никиты Архиповича Салия, впоследствии священника, протоиерея, верно служившего Церкви в тяжелые 1920–1950-е годы. <...>

Бесценным свидетельством истории делают ставленническую грамоту диакона Никиты Салия ее самые первые строки: «Божиею милостию Смирный Симон, Епископ Охтенский, Управляющий Уфим-

ской Епархией». Написанные, судя по почерку, рукой самого Владыки за месяц до гибели, они дают бесспорный ответ на историческую загадку, связанную со статусом Преосвященного Симона на Уфимской кафедре: Владыка никогда не был правящим «епископом Уфимским и Мензелинским», но до конца своей жизни оставался единоверческим епископом Охтенским, временно управляющим православной Уфимской епархией.

ЕПАРХИАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ 1920 ГОДА

Нелегкий крест, волею Божией, был возложен на Владыку Симона. В условиях утвердившейся власти большевиков управление столь политизированной и привыкшей к демократическим началам церковной жизни епархией, какой была епархия Уфимская, с нетерпением ожидавшая возвращения Владыки Андрея, представляло особую трудность. О существовавших в епархии ранее и возникших вновь проблемах достаточно ярко свидетельствует сохранившийся в Российском государственном историческом архиве документ — письмо на имя Святейшего Патриарха Тихона от уполномоченного «епископии Уфимской», которое было

написано вскоре после освобождения в конце июня 1923 года Патриарха Тихона из заключения.

Его Святейшеству

Святейшему Патриарху Тихону

Ход истории Уфимской Церкви в последние годы представляется в следующих последовательных событиях.

С отъездом Епископа Андрея в 1919 году Уфимская епархия переживала тяжелое время.

Многие из духовенства и мирян подверглись аресту и томились по тюрьмам, приходская жизнь замерла. Отсутствие Епископа в Уфе лишало возможности рукоположения новых пастырей и многие приходы оставались без

Ставленническая грамота диакона Никиты Салия, подписанная епископом Симоном в 1921 году

руководства. Наблюдались случаи обращения в соседние епархии лиц, ищущих пастырского сана. Замещение причтовых должностей получает хаотический характер: назначались без подготовки и не по избранию верующих.

С начала 1920 года приходская жизнь начала оживать: приступлено было к регистрации верующих и организации приходов, приходы организовали Союз, применительно к Образцовому Уставу по Соборному положению. Председателем Совета Союза приходов в Уфе избран был мирянин А.В. Коляда – человек молодой, но энергичный, глубоко верующий и много потрудившийся в деле организации приходов. Другим видным сподвижником в деле приходской жизни был свящ. о. А. Кулясов. Целью их – было поднять в среде мирян епархии сознательное отношение к делу веры и тесно объединить в общины на началах соборности.

Выражением этого явилось то, что председателями приходских советов почти везде были миряне. Церковная жизнь заметно ожила. Однако все сознавали, что кафедра без епископа – сирота; и потому усиленно ходатайствовали о возвращении в Уфу Епископа Андрея и письменно, и путем посылки делегаций. Имя Епископа Андрея произносилось везде в среде верующих, это имя слишком популярно среди уфимцев, но тюремные стены на долгое время закрыли доступ к любимому архипастырю и ходатайства успеха не имели.

В апреле 1920 года в Уфу прибыл Епископ Симон, заявивший себя в глазах народа сторонником идей Епископа Андрея, но на деле проводивший совсем другую линию в деле приходской жизни. Созванное в сентябре 1920 года Епархиальное Собрание посеяло холодность между Епископом и народом. Было вынесено постановление об обязательной замене председателей приходских советов-мирян – настоятелями священниками. В приходскую жизнь внесено взаимное недоверие. Епископа окружают люди, служившие на два лагеря. Виднейшие из пастырей-народников терпят гонение. Академик о. Садков¹ в марте 1921 года умер под запрещением Епископа Симона.

Неожиданная и трагическая кончина Епископа Симона 5 августа ст[арого] ст[илля] 21 года положила конец этому течению в церковной жизни...

По уполномочию епископии Уфимской кандидат юридических [?] наук Иван Рождественский.

Как видно, на Уфимской кафедре епископ Симон столкнулся с проблемой, известной ему со времени службы в Никольском храме Петрограда, проблемой соотношения полномочий духовенства и мирян в устройении приходской жизни и управлении ею. Личный опыт Владыки сделал его сторонником ограничения власти мирян и, соответственно, повышения роли духовенства в выборных приходских органах, и именно такую линию он проводил в жизнь в Уфе. В сущности в этом отношении он стоял на позиции большинства

современных ему архиереев и самой Российской Церкви, на позиции, которая нашла свое отражение в определении Поместного Собора о православном приходе. Последнее гласит:

В Приходском Совете председательствует настоятель приходского храма, по своему положению, как духовный руководитель прихода, а его товарищем может быть избираем и мирянин.

Владыка Симон был убежден в правильности этой линии, особенно в условиях жесткой, враждебной Церкви государственной власти. Однако Уфимская епархия уже в течение нескольких лет жила в условиях широкого приходского самоуправления, активной роли Приходских Собраний и Приходских Советов, возглавляемых именно мирянами, и выборности духовенства вплоть до архиерея. В итоге произошло неизбежное: столкновение двух разных подходов, противодействие части мирян и духовенства линии епископа.

Епархиальное Собрание, упомянутое в письме Патриарху, проходило в Уфе в Иверском храме Благовещенского женского монастыря под председательством Преосвященного Симона. Открылось оно 4 октября 1920 года и работало в течение нескольких дней. Подлинные его протоколы не сохранились, однако о рассматривавшихся на нем вопросах кое-что стало известным по упоминаниям в различных документах более позднего времени.

Из приведенного выше письма выяснилось, что рассматривался вопрос о приходском управлении, и, несмотря на противодействие, Владыке удалось провести решение о замене мирян в должности председателей Приходских Советов священниками-настоятелями храмов.

Другим рассмотренным на заседаниях Епархиального Собрания 1920 года явился вопрос о правах на Уфимскую кафедру епископа Андрея. По-видимому, вопрос

этот был поставлен, дабы внести ясность и в положение временно управляющего епархией, и в умы верующих. Делегаты единогласно признали епископа Андрея законным Уфимским Владыкой, то есть подтвердили верность епархии своему томящемуся в узах архиерею. Документы Собрания 1920 года пока не обнаружены, и о его решениях мы узнали из сохранившихся протоколов Съезда православных староцерковнических приходов Уфимской епархии, проходившего в Уфе 16–19 октября 1927 года и рассматривавшего среди прочих вопрос о правах Владыки Андрея на Уфимскую кафедру. <...>

Верность Владыке Андрею возвышает в наших глазах и архипастыря, который смог стяжать такую любовь и верность, и верную паству, но при всем том ни в малой степени не бросает тени на епископа Симона, прибывшего на короткое время управлять делами чужой епархии. Отметим, что права Андрея (Ухтомского) на Уфимскую кафедру неоднократно подтверждались паствой и после 1920 года. <...>

На последнем своем заседании Епархиальное Собрание сессии 1920 года «постановило благодарить Представителей Советской Власти за разрешение собраться депутатам от духовенства и мирян на Православный Христианский Съезд». Выполняя постановление, 12 октября Владыка Симон подписал соответствующее письмо, которое, впрочем, трудно назвать благодарственным. Вернее будет сказать, что епископ известил Уфимский Губернский Исполнительный Комитет о таком решении Собрания. Как бы то ни было, но этот документ нам очень дорог как еще одно свидетельство о состоявшемся Собрании и как один из немногих дошедших до нас уфимских автографов Владыки.

Уже давно и не нами сказано, что современникам не дано верно оценивать исторические события, значение и смысл настоящего открывается лишь взору будущего;

современники же масштабных перемен не успевают вслед за ними и, как правило, продолжают мыслить устаревшими понятиями и решать уже несуществующие проблемы. 1920–1921 годы, — это окончание гражданской войны и продолжающаяся политика «военного коммунизма», крестьянские восстания и Кронштадтский мятеж, это разразившийся весной-летом страшный голод в Поволжье, который захватил и многие районы Уфимской губернии и Башреспублики, это преддверие уже близкой кампании по изъятию церковных ценностей и «самого решительного и беспощадного сражения черносотенному духовенству», Церкви, которое готовили Ульянов-Ленин и его подручные. Между тем церковная жизнь шла своим чередом, и извечный оппонент епископа Симона староста Никольского храма Петрограда А.А. Ухтомский принимал меры, дабы воспрепятствовать возвращению Владыки на Охтенскую кафедру. Об этом свидетельствует интереснейший документ — составленный А. Ухтомским проект «всепокорнейшего заявления» петроградских единоверцев на имя Высокопреосвященнейшего Вениамина, митрополита Петроградского, написанный автором от руки и за его же единственной подписью. Документ может быть датирован маем — августом 1921 года. В нем, в частности, сказано:

С тех пор, как в апреле минувшего 1920 года Епископ Симон Охтенский и Единоверческий уехал из Петрограда для управления Уфимскою Епархией, единоверческие приходы Петроградской Епархии свыше года находятся в заведывании и архипастырском попечении Вашего Высокопреосвященства... До настоящего времени мы продолжаем официально числиться

«ЕГО ВСЕ ОЧЕНЬ ЛЮБИЛИ...»

Сохранились уникальные свидетельства верующих о епископе Симоне в его недолгое, чуть более года, архиерейство на Уфимской кафедре. Одно из них принадле-

в ведении упомянутого выше Епископа Симона, управляющего ныне уфимскою Епархией, и Ваше заведывание нашими приходами является доселе лишь как бы условным и временным. Это создает известную неустойчивость и недостаточную определенность во внутренних делах наших приходов, ни в каком случае не желательные и опасные в наше тяжелое время. Мы считаем крайне нежелательным и вредным продолжение такого не вполне определенного положения дела в будущем и желаем, чтобы отныне, ввиду более чем годового отсутствия из Петрограда Епископа Симона, управление Единоверческими приходами Петроградской Епархии было изъято из его ведения не только фактически, но и официально, и перешло безраздельно в ведение Вашего Высокопреосвященства, как нашего единого непосредственного Архипастыря и Отца. До нас дошли [эти слова зачеркнуты] Ходят слухи, будто Епископ Симон ходатайствует о том, чтобы ему было предоставлено, будучи Епископом Уфимским, управлять всероссийским Единоверцием. Такой проект, если он в самом деле имеет место, мы считаем весьма вредным для дела и для нас совершенно неприемлемым. Просим и умоляем Вас Христа ради, Ваше Высокопреосвященство, не оставляйте нас и дайте нам знать в Вас непосредственного Владыку и единственного Архипастыря петроградского Единоверчия. Дайте нам тот мир и безмятежие, которыми мы пользовались донныне под Вашим управлением.

Таким образом, этот документ (вне зависимости от степени соответствия «слухов» действительности) свидетельствует о том, что, находясь на Уфимской кафедре, свои дальнейшие планы епископ Симон по-прежнему связывал с развитием всероссийского единоверчия. <...>

жит дочери священномученика Евграфа Еварестова, протоиерея Уфимского кафедрального собора, расстрелянного по приговору Реввоенсовета Восточного фронта

в декабре 1919 года, то есть за несколько месяцев до прибытия на кафедру Владыки. В 1920-м году Анне Евграфовне было только 10 лет. «Приехал к нам в Уфу вместе с дочкой какой-то новый архиерей, — рассказывала она, — такой хороший, славный, такой приятный, и жил он в Дубничках. <...> Владыку этого очень все как-то сразу полюбили. Он всех как-то сразу объединил, и ребята стали ходить в церковь... Его все очень любили, и дети — он очень хороший был».

Этому отзыву вторит уфимская инокиня Мария (Артемьева-Шапошникова), которой в то время было 16–17 лет:

— Каким епископ Симон был как человек? — К нему очень хорошо относилась паства. Он же такой величественный был... Вот Андрей был такой — как бы сказать?.. не могу выразиться — строгий, боязненный. А епископ Симон, поскольку он семьянин, невольно располагал всей душой...

Среди верующих быстро разнеслась весть о доступности нового епископа, его задушевности, умении вести беседы на понятном для всех языке, о его бессребрничестве. Держался он очень просто. Одевался по-монашески строго, носил черный клобук и лестовку. Свидетельством мудрости Владыки, его любви к людям и уважения их чувств, умения идти на компромиссы ради церковного блага явилось то, что при всей своей преданности старому обряду, дабы не смущать и не вводить в искушение верующих, он крестился, благословлял и служил по новому чину. Люди потянулись к его любящему сердцу.

Постепенно о епископе Симоне сложилось мнение как об «умеренном» церковном деятеле, умеющем при необходимости вести диалог с властями. Известно, что Владыка не страшился обращаться к ним, когда дело касалось готовящейся расправы над кем-либо. Иногда он вмешивался в случае каких-либо волнений — смягчал, успокаивал горячие головы. Протоиерей Григорий Шлеев, вспоминая об этом, добавлял, что Владыка напрасно так поступает, потому что подвергает свою жизнь

опасности; быть может, иногда разумнее было бы отойти в сторону, но для Владыки Симона важнее было дать ответ Богу и ответ своей совести, а потом всему остальному. «Где паства — там и пастырь», — часто повторял он.

Бывшему клирику Уфимской епархии игумену Феофану (Кузьминых) о епископе Симоне в 1970-е годы рассказывала старушка-церковница Валентина Николаевна Иванова, у которой жил отец Феофан, тогда еще псаломщик Сергиевского собора Уфы. Была она глубоко верующим человеком; само за себя говорит то, что в 1960-е годы входила она в так называемую «двадцатку» Сергиевского кафедрального собора Уфы. Валентина Николаевна была еще маленькой девочкой, когда в епархии служил Владыка Симон, но хорошо помнила и то время, и Владыку. Память Владыки она очень почитала и часто вспоминала о Святителе и его убийстве. «Валентине Николаевне, — рассказывал отец Феофан, — было тогда годков около десяти, она была еще совсем маленькой девочкой, так ее и называл епископ Симон: "маленькая девочка". Жил он в Архиерейке, и она со своим батей частенько бывала в гостях у епископа дома. Владыка называл ее еще "девочкой с голубой косичкой", так как ей часто вплетали в волосы голубую ленту, которая малышке очень нравилась. Валентина Николаевна помнила, как ходила с отцом в церковь и часто возвращалась после службы вместе с Владыкой (домой им было по пути), как у него дома пила чай. Он немного учил ее грамоте, чтению. Она очень хорошо о нем отзывалась. Владыка одаривал детей конфетами и пряниками, это она тоже запомнила».

Задушевной подругой Валентины Николаевны Ивановой была мама жительницы Уфы Любови Васильевны Пугачевой; последняя на всю жизнь запомнила звучавшие в их доме рассказы о епископе Симоне:

— Владыка Симон был строжайших таких правил, постник великий был, у него корки хлеба лишней, как говорится, не

Епископ Симон в гробу

было, не то что запасов каких. Он был очень добрый, конечно. Почему он бедный-то был, потому что всю зарплату свою раздавал, всем помогал. Вот кто бы к нему ни пришел, он тут же поможет, отдаст, поэтому у него и не было ничего никогда. Он доходил до того, что последнее отдаст. Бывало, придут скажут: «Что же, Владыко, есть-то будем?» — а он: «Да Бог поможет!» И действительно, соседи знали, что он такой, приходили: «Вот, Владыко, мы рыбу

поймали и принесли», или еще кто что принесет, а он: «Ну вот и слава Богу, принесли — и хорошо». Он бессребреник был, конечно. И еще я думаю, почему на него было покушение, потому что он был большой проповедник, и к слову его, конечно, прислушивались. И где он служит, туда, как говорится, валом народ шел, а это же престиж ему. Умел донести слово до народа, до сердца каждого. Притягательным был, как магнит притягивал.

УБИЙСТВО

Неспокойным выдался в Уфе последний месяц лета 1921 года. Одно за другим 17-го и 18-го августа в городе произошло два громких убийства. О событиях тех дней расскажем сначала словами очевидца и активного участника событий — Владими-

ра Павловича Деденко, работавшего в 1921 году в секретариате Уфимского ГубЧК (в 1960-е годы — подполковника в отставке).

...Все началось неожиданно. В 12 часов дня середины мая² раздался звонок... Вызывают по

очень важному делу комиссара ЧК (он же старший следователь предварительно следственной части Уфимского ГубЧК) Мастрикова Михаила. Встреча состоялась в аллее парка Случеской горы... Какие-то доли минуты и раздаётся предательский выстрел. Мастриков, истекая кровью, гибнет. Это убийство вызвало и тревогу, и особенную озабоченность чекистского коллектива — значит, классовый враг не дремлет.

...Через сутки второе «ЧП». На этот раз черный выстрел прозвучал у личной резиденции епископа Симона в Дубничках на южной окраине г. Уфы. Поздно ночью он возвращался из собора. В 15 метрах от ворот дома его встретили выходящие с узлами грабители. Два выстрела, и он убит. <...>

Страшная вест о гибели епископа быстро разнеслась среди верующих. Двенадцать раз ударили в соборный колокол, оповещая всех о кончине архиерея. Собралось городское духовенство, сбежался народ («чуть не весь город приехал», — вспоминала очевидица событий). Тело Владыки обмыли, одели в белое облачение и перенесли во Всехсвятскую церковь. Всю ночь над почившим читали Евангелие и служили панихиды.

На следующий день, 19 августа, в 4 часа пополудни гроб с телом Святителя, сопровождаемый огромной народной толпой, на руках был перенесен в Воскресенский кафедральный собор. <...>

«...Похороны состоялись почти одновременно: днем — т. Мастрикова, а часом позже церковники и огромная толпа верующих хоронила епископа», — вспоминал

Владимир Деденко. Верующие также свидетельствовали, что на похороны Владыки собралось громадное количество народа. Прибыло все духовенство Уфимской епархии, тысячи верующих из разных мест. Для прощания с епископом Симоном успели приехать единоверцы из каких-то дальних городов. За порядком следила конная милиция. Люди были потрясены, искренне оплакивали Святителя. Анна Евграфовна Еварестова вспоминала: «Владыку убили, и всех его смерть страшно удивила. Так все плакали, все жалели его... А на похороны мы все ходили, но там не пройти было. И все мы думали, почему же его убили, такой он хороший был... И были тогда какие-то грандиозные похороны. На них, кажется, даже из-за границы приезжали. Столько много было народу — и не уфимцы даже, приезжие были и из Москвы! Меня очень тогда удивило, сколько было народу. То были первые такие похороны, что я видела так много народу».

Погребен был Владыка в правом приделе кафедрального Воскресенского собора, прямо перед алтарем. Могила его возвышалась над уровнем пола, на ней стоял крест, перед которым теплились разноцветные лампадки.

На месте злодейского убийства Святителя 40 дней служились панихиды и краткие литии об упокоении. Панихиды служились также в Москве и Петрограде; на 40-й день по убиенному епископу Симону служил Петроградский митрополит Вениамин, чреда мученичества которого настала на следующий год...

Нина Павловна Зими́на

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Академик — выпускник Духовной академии.

2. Так в данной публикации, в других материалах В.П. Деденко указывает верную дату — 17 августа.

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ

ИЕРУСАЛИМСКАЯ ИКОНА БОГОМАТЕРИ
ИЗ БРОННИЦ*Продолжение, начало в номерах 1–5 (77–81)*ПОЧИТАНИЕ ИЕРУСАЛИМСКОЙ ИКОНЫ БОГОМАТЕРИ
ИЗ БРОННИЦ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Иерусалимская икона Богородицы из подмосковного села Бронниц прославилась как чудотворная в 1771 году благодаря спасению села от эпидемии чумы. Спустя десять лет, в 1781 году, в Бронницах произошли большие перемены: это старинное село стало городом. По указу императрицы Екатерины «Об учреждении Московской губернии» от 5 октября 1781 года в следующем, 1782 году, ряд подмосковных сел преобразовывались в уездные города: слобода близ Воскресенского Новоиерусалимского монастыря стала городом Воскресенском¹, село Рогожа – Богородском², село Колычево – Никитском³, село Подол – Подольском, а село Бронницы – одноименным уездным городом⁴.

Вновь образованный город был небольшим: в 1787 году в нем было 223 дома и полторы тысячи жителей. Среди городов Московской губернии он находился на восьмом месте по числу жителей и домов⁵. В те времена была существенно изменена сложившаяся исторически планировка Бронниц: на сохранившемся плане города конца XVIII века хорошо видно, что вместо деревенских дворов, расположенных преимущественно вдоль Коломенской дороги, появились новые городские улицы, пересекающиеся под прямым углом. Эта планировка сохранилась

до наших дней. В конце XVIII века подобное происходило повсеместно и все российские города получили новую регулярную планировку в соответствии с планами, утвержденными Екатериной II.

Главной святыней нового города стала Иерусалимская икона Богородицы. Празднование этой иконе совершалось дважды: 12 октября (25 октября нового стиля), в день общецерковного празднования Иерусалимской иконе, и в десятое воскресенье по Пасхе – в день местного почитания иконы. В этот день совершался крестный ход вокруг Бронниц с Иерусалимской иконой Богородицы.

К сожалению, мы не располагаем какими-либо подробными свидетельствами о почитании Иерусалимской иконы Богородицы в Бронницах в конце XVIII и начале XIX века. Леонид Романович Вайнтрауб в своей книге, посвященной истории бронницкого собора, предполагает, что показанная на плане Бронниц 1787 года деревянная часовня, находившаяся на центральной площади города, была обновлена именно для этой иконы⁶. Судя по всему, в то время Иерусалимская икона Богородицы еще не стала широко известна за пределами Бронниц и была именно городской, а не уездной святыней.

ЧУДЕСНОЕ ИЗБАВЛЕНИЕ ГОРОДОВ И СЕЛ ОТ ЭПИДЕМИЙ

Особое почитание Иерусалимской иконы Богородицы в Бронницком уезде и его окрестностях началось во второй половине XIX века благодаря чудесам, произошедшим

во время эпидемий холеры. Первые известные нам чудеса Иерусалимской иконы за пределами Бронниц произошли в 1848 году, во время охватившей Московскую губернию

эпидемии холеры. В том году от холеры чудесным образом были избавлены три села: Карпово, Речицы и Новлянское. В последующие годы произошло еще несколько подобных чудес: в 1864 году – в Михайловской Слободе, в 1866 году – в Подольске, в 1873 году –

в Павловском Посаде, в 1893 году – в Велине и в 1905 году – в Малахове. Рассмотрим чудесные исцеления от эпидемий в хронологическом порядке, используя тексты сказаний протоиерея Василия Толгского и протоиерея Иоанна Доброва.

СЕЛО КАРПОВО

В 1848 году в приходе села Карпова, относящегося к Богородскому уезду, но находящегося на границе с Бронницким уездом, началась эпидемия холеры (тот год был «холерным» – эта тяжелая болезнь свирепствовала в то время во многих селах и деревнях Московской губернии). Местные жители попросили принести к ним из Бронниц Иерусалимскую икону Богородицы. Икону принесли и обошли с ней все деревни карповского прихода, совершая в каждой деревне молебен. Сразу после этого эпидемия прекратилась: больные выздоровели и больше никто не заболел⁷.

Судя по метрической книге Покровской церкви села Карпова 1848 года⁸, эпидемия в Карпове началась в мае 1848 года, однако духовенство и местные жители не сразу поняли, что это именно холера – в мае и первой половине июня в графе «причина смерти» мы часто встречаем симптомы, а не истинную причину смерти. Об умерших от холеры писали, что они скончались «от колики», «от колотья», «от поноса», «от рвоты и поноса». Слово «холера» впервые появляется в записи о смерти тридцатилетнего крестьянина села Карпова Павла Ефимова, скончавшегося 27 июня 1848 года⁹. Отпевали его на следующий день – 28 июня, а не на третий, как обычно. Эта практика, вызванная эпидемией, вскоре была узаконена указом Московской

духовной консистории благочинным Московской епархии, разрешившим погребать умерших от холеры ранее трехдневного срока. Богородское духовное правление 19 июля 1848 года разослало этот указ благочинным Богородского уезда¹⁰. Одним из благочинных в то время был настоятель Покровской церкви села Карпова – священник Стефан Лебедев. Вместе с ним в карповском храме в то время служил священник Димитрий Иерокольский – об этом мы также узнаем из метрической книги.

В последующее десятилетие никаких эпидемий не было и икону в Карпово не приносили, но в 1859 году это село постигла новая беда: здесь началась сибирская язва, поразившая не только скот, но и людей. Тогда в село снова принесли Иерусалимскую икону из Бронниц, перед ней служили молебны, и болезнь отступила. В память об этом чуде крестьяне села Карпова и окрестных деревень решили ежегодно приносить чудотворную икону из Бронниц для совершения молебнов – «принимать икону», как говорили в XIX – начале XX века¹¹.

В то время в Карпове была деревянная церковь. Ныне существующая каменная Покровская церковь была построена в 1860-е годы. В советское время она была закрыта. В 1990-е годы церковь была передана общине верующих и в ней возобновлены богослужения.

СЕЛО РЕЧИЦЫ

В 1848 году холера началась в другом селе, стоящем, как и Карпово, на Касимовском тракте (современном Егорьевском шоссе) в Речицах. В те времена своей церкви в Речицах не было (ныне существующая Вознесенская церковь была построена

в 1860 году) и приходским храмом была Георгиевская церковь села Игнатьева. В Речицы принесли Иерусалимскую икону Богородицы, стали служить молебны – и эпидемия сразу же пошла на убыль, а на третий день после принесения в село иконы совершенно

прекратилась. Впоследствии в память об этом чуде был написан список Иерусалимской иконы для речичского храма. На этой иконе была сделана следующая надпись:

Лето от сотворения мира 7356, месяца июля, сего дня попущением Божиим во время постигшего гнева за наши беззакония и преступления написана сия икона Иерусалимской Божией Матери в честь и похвалу Ея за избавление и помилование нас грешных от холерной болезни и внезапной смерти, простившейся в селении Речицах и в окрестностях его, усердием и тщанием воздвигнут памятник сей того же селения крестьянами потомству своему на вечную память для воспоминания. Владычице, прими молитву раб Твоих и избави нас от всякия нужды и печали. Тя величаем¹².

Автору этих строк известно одно документальное свидетельство о крестных ходах с Иерусалимской иконой Богоматери в речичской округе в 1848 году: в журнале исходящих документов Богородского духовного правления записано, что 17 декабря того года в Московскую духовную консисторию было направлено донесение с приложением дела «о воспрепят-

СЕЛО НОВЛЯНСКОЕ (НЫНЕ ГОРОД ВОСКРЕСЕНСК)

В 1848 году эпидемия холеры началась и в другом приходе Бронницкого уезда — в селе Новлянском и его окрестностях. Жители этих мест решили принять Иерусалимскую икону и отправились за ней в Бронницы. Протоиерей Василий Толгский пишет, что заболевшие крестьяне встречали икону возле Новлянского и просили, чтобы икону пронесли над ними:

...когда в холерный 1848 год святая икона «Иерусалимская» вносилась в село Новлянское, то больные холерой поспешили навстречу грядущей к ним Святейшей Гостьи. Иные имели еще силу выйти сами, других, более слабых, выводили и выносили.

Вознесенская церковь села Речицы.
Начало XX века

ствовании села Игнатьева священником Матвеем Трофимовым к принятию иконы Иерусалимския Божия Матери из г. Бронниц, на 21 листе»¹³. Само дело пока не обнаружено (возможно, оно не сохранилось, так как консисторский архив дошел до нас не полностью), поэтому мы не знаем никаких подробностей

этого инцидента. Быть может, игнатьевский священник счел недопустимым крестный ход, не санкционированный епархиальным начальством? Других упоминаний о крестных ходах с Иерусалимской иконой Богоматери в Богородском уезде в 1848 году в журналах входящих и исходящих документов Богородского духовного правления нет. Надо надеяться, что со временем будут обнаружены архивные источники, которые позволят подробнее говорить о событиях 1848 года.

Вознесенская церковь села Речиц в советское время не закрывалась. В церкви находится почитаемый список Иерусалимской иконы Богоматери. В 1990-е годы в этом приходе была восстановлена традиция крестных ходов с Иерусалимской иконой: но теперь с крестным ходом носят не саму чудотворную икону из Бронниц, а ее местный список.

Все они ложились вдоль дороги, прося, чтобы святая икона была пронесена над ними¹⁴.

Надо сказать, что благодаря этому благочестивому обычаю встречи чудотворной иконы возникла ныне существующая в селе Малахове, где хранится бронницкий список Иерусалимской иконы Богоматери, практика пролезания под иконой. После совершения молебнов холера прекратилась, и местные жители решили в благодарность за избавление от эпидемии ежегодно принимать Иерусалимскую икону Богоматери в понедельник после десятого воскресенья по Пасхе — на следующий день после брон-

Храм Архангела Михаила села Михайловская Слобода. Фото начала XX века

ницкого праздника. В 1898 году, в память пятидесятилетия этого чуда, прихожане села Новлянского возложили на Иерусалимскую икону ленту из серебряной парчи с надписью: «1848–1898 г[ода]. От прихожан села Новлянского, Бронницкого уезда, в память избавления от губительной болезни»¹⁵.

СЕЛО МИХАЙЛОВСКАЯ СЛОБОДА

Тот факт, что во время эпидемий крестьяне обращались за помощью к Иерусалимской иконе Богоматери из Бронниц, свидетельствует о том, что они знали о ее существовании и почитали ее как святыню. Однако в Бронницком уезде в те времена были местности, где икона не была столь известна. Когда в 1864 году холера началась в приходе единоверческой церкви села Михайловской Слободы, ее прихожане обратились к митрополиту Московскому Филарету (Дроздову) с просьбой разрешить им принять из Москвы Иверскую икону Богоматери¹⁶. Но митрополит Филарет обратил их внимание на то, что недалеко от Михайловской Слободы, в Бронницах, есть другая чудотворная икона и сказал: «Возьмите чудотворную икону Богоматери "Иерусалимскую" из города Бронниц, и Она, Владычица, избавит вас от постигшей болезни»¹⁷. Тогда прихожане принесли из Бронниц Иерусалимскую икону, пронесли ее по приходу с молебнами, и холе-

Иоанно-Златоустовская церковь села Новлянского (в настоящее время это село вошло в черту города Воскресенска) в советское время не закрывалась. В этом храме есть местная святыня — список Иерусалимской иконы из Бронниц, написанный в память о чуде, произошедшем в 1848 году.

ра прекратилась. В благодарность за избавление от холеры прихожане Михайловской Слободы решили ежегодно принимать Иерусалимскую икону Богоматери и обратились к митрополиту Филарету, чтобы он назвал день, в который следует принимать икону. Митрополит указал им на то, что впервые икона была принесена сюда в Неделю о Фоме (в первое воскресенье после Пасхи)¹⁸. С этого времени Иерусалимскую икону стали приносить в Михайловскую Слободу из Бронниц в Неделю о Фоме. Всю неделю икона находилась здесь, а в следующее воскресенье (Неделю Жен-Мироносиц) ее переносили в село Новорождествено, находившееся на другом берегу Москвы-реки. В память об исцелениях для Михаило-Архангельской церкви Михайловской Слободы был написан список Иерусалимской иконы Богоматери.

В 1914 году торжественно отмечалось пятидесятилетие этого чуда. В Неделю

о Фоме, 13 апреля 1914 года из Михайловской Слободы в Бронницы отправился крестный ход с местным списком Иерусалимской иконы Богоматери. Это крестный ход сопровождал священник Стефан Смирнов из Михайловской Слободы, описавший его в своем дневнике¹⁹. Возле Бронниц крестный ход из Михайловской Слободы встретился с вышедшим навстречу ему крестным ходом из собора, затем оба крестных хода направились к собору. На следующий день, в бронницком соборе была совершена литургия, после которой крестный

ход вернулся в Михайловскую Слободу с Иерусалимской иконой Богоматери из Бронниц²⁰.

Михаило-Архангельская церковь села Михайловской Слободы была закрыта в 1961 году²¹. В 1989 году храм был возвращен верующим и в нем возобновлены богослужения²². Вскоре после открытия храма в него вернулась его святыня — местный список Иерусалимской иконы Богоматери. Об истории этого списка чудотворной иконы подробно рассказывается в следующей главе.

ПОДОЛЬСК

В 1866 году эпидемия холеры охватила Подольск. В летописи подольского собора говорилось, что болезнь ежедневно уносила много жертв и, несмотря на принятые меры, эпидемия не ослабевала. Местные жители обратились к митрополиту Московскому Филарету (Дроздову) с просьбой разрешить им принять Иверскую икону Богоматери из Москвы. Но митрополит Филарет не разрешил им взять Иверскую, поскольку в Москве в то время тоже была эпидемия и икону все время носили по городу, а посоветовал им (как за два года до того прихожанам Михайловской Слободы) принести в Подольск Иерусалимскую икону Богоматери из Бронниц. Это было незамедлительно исполнено: 10 августа жители Подольска приехали в Бронницы за иконой, а спустя два дня, 12 августа, ее торжественно встречали в Подольске. Поклониться чудотворной иконе пришло множество людей и у полиции возникли опасения, что такое скопление народа приведет к еще большему

распространению эпидемии. Пристав стал требовать, чтобы собравшиеся расходились, но едва не заплатил за это жизнью: возмущенные горожане чуть было не сбросили его в Пахру. К счастью, обошлось без жертв, икону торжественно встретили и стали совершать перед ней молебны. Эпидемия прекратилась, и благодарные горожане решили в память об этом чуде ежегодно принимать Иерусалимскую икону 12 августа²³. Два года спустя для подольского собора был написан список Иерусалимской иконы Богоматери с памятной надписью:

Список со св. чудотворныя «Иерусалимския» иконы Божия Матери, что в городе Бронницах, в благодарение за избавление города Подольска от губительной болезни холеры в 1866 году чрез принесение подлинной иконы усердием граждан Подольских. Лето 1868²⁴.

В 1916 году торжественно праздновалось пятидесятилетие этого чуда²⁵. В настоящее время икона, написанная в память

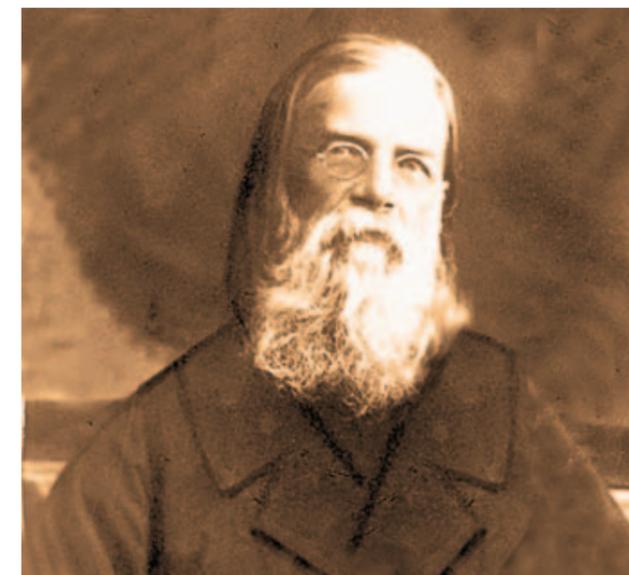
о спасении Подольска от холеры, хранится в подольском соборе и почитается как чудотворная.

ПАВЛОВСКИЙ ПОСАД

Павловский Посад. Торговая площадь, вид на собор. Начало XX века

В 1873 году в Павловском Посаде началась эпидемия холеры. Церковная летопись Воскресенской Павлово-Посадской церкви сообщала, что местные жители просили разрешить им принести из Бронниц Иерусалимскую икону Богоматери для совершения молебнов об избавлении от холеры. Когда икона была принесена в Павловский Посад, верующие пронесли ее с крестным ходом по всем окрестным деревням, перед иконой совершались молебны, и после этого холера прекратилась. С тех пор Иерусалимскую икону Богоматери стали ежегодно приносить в Павловский Посад на две недели²⁶. Псаломщик Воскресенского Павлово-Посадского собора Тихон Михайлович Троицкий в своей брошюре об истории Павловского Посада, опубликованной

Священномученик Алексей Знаменский

в 1900 году, упоминает, что «с 1873 и до сего времени приносится ежегодно из г. Бронниц чудотворная икона Иерусалимской Божией Матери»²⁷.

Иерусалимскую икону Богоматери ежегодно приносили в Павловский Посад на протяжении пятидесяти лет — вплоть до 1920-х годов. Последний раз жители города принимали ее в 1926 году: 13 июля 1926 года священник Воскресенского собора Алексей Сергеевич Знаменский (1882–1938) обратился в Моссовет с просьбой

разрешить принести из Бронниц Иерусалимскую икону Богоматери²⁸. Разрешение было получено, но уже в следующем, 1927 году крестные ходы с иконами были окончательно запрещены²⁹, а Воскресенский собор постигла печальная участь: в конце 1930-х годов он был закрыт, а в 1950-е годы взорван. Сохранилась лишь его колокольня. В 1990-е годы она была передана верующим и в примыкающем к ней помещении (сохранившейся части собора) стали совершаться богослужения.

СЕЛО ВЕЛИНО

Село Велино. Покровская церковь

В конце июля 1893 года эпидемия холеры началась в старинном селе Велине, находящемся на Коломенской дороге (современное Рязанское шоссе), в трех верстах от Бронниц. Болезнь распространялась очень быстро: в течение двух недель в Велине умерло 52 человека (27 мужчин и 25 женщин)³⁰. Местные жители решили принять Иерусалимскую икону Богоматери и 7 августа 1893 года ее принесли из Бронниц для совершения молебнов в велинском приходе. Через несколько дней эпидемия холеры прекратилась. В память об этом чуде прихожане села написали небольшую копию Иерусалимской иконы для своего храма³¹. Этот образ отличался от Бронницкого списка Иерусалимской иконы не только размером, но

и иконографией: на полях иконы были написаны святые, память которых празднуется 7 августа.

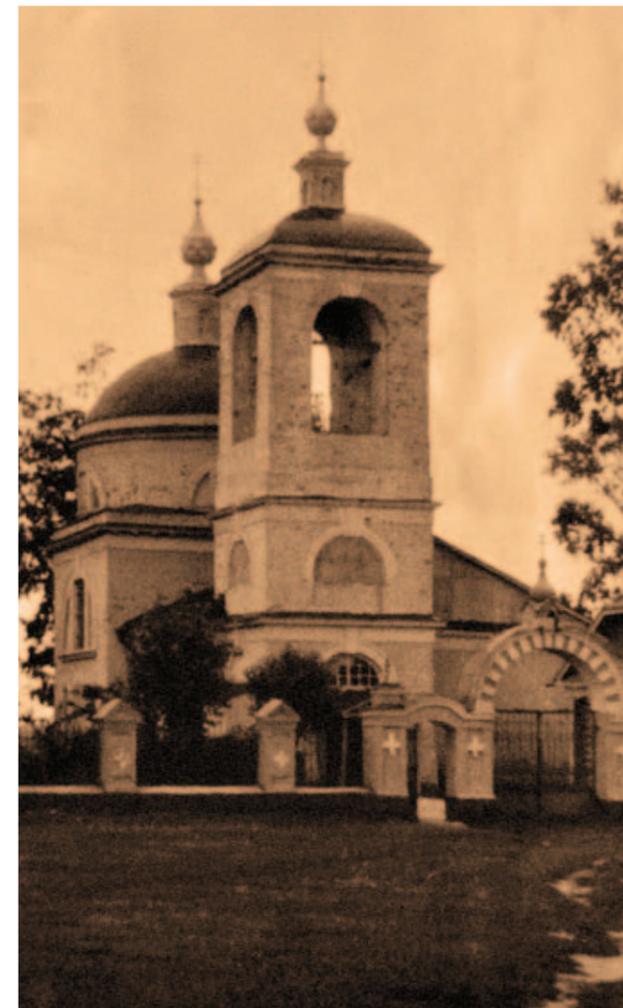
Из метрической книги Покровской церкви села Велина 1893 года мы узнаем, что первый случай смерти от холеры в этом селе был 3 августа того года³². Метрическая книга свидетельствует, что в десятых числах августа — сразу после принесения в Велино чудотворной иконы — смертей было заметно меньше, чем в первые дни эпидемии. Вскоре эпидемия прекратилась — последний случай смерти от холеры был 17 августа³³.

Деревянная Покровская церковь села Велина была построена в незапамятные времена: год постройки храма обычно указывался в клировых ведомостях, но к началу XX века в Велине никто уже не помнил, когда была возведена церковь и поэтому в клировой ведомости 1912 года указано, что церковь «построена в каком году неизвестно, [чьим] тщанием неизвестно»³⁴. В 1930-е годы эту старинную церковь постигла печальная участь: в 1930 году она была закрыта³⁵ и впоследствии разрушена. Служивший в Велине священник Павел Щеглов — очевидец эпидемии холеры 1893 года — был репрессирован. Дальнейшая судьба списка Иерусалимской иконы Богоматери из Велина неизвестна. В советское время Велино было разделено на два села — Верхнее Велино и Нижнее Велино. Граница между ними проходит по реке Велинке.

СЕЛО МАЛАХОВО

В конце августа — начале сентября 1905 года в приходе села Малахова Бронницкого уезда началась эпидемия скарлатины. Болезнь распространялась стремительно и в течение нескольких дней многие из заболевших детей умерли. Тогда настоятель Дмитриевского храма священник Александр Соколов и церковный староста Семен Григорьевич Григорьев решили принять Иерусалимскую икону Богоматери и накануне того дня, когда икону должны были принести из Подольска (оттуда икону всегда возвращали в первых числах сентября), поехали в Бронницы и от имени прихожан попросили настоятеля собора и причт отпустить чудотворную икону в Малахово для совершения молебнов о прекращении болезни. Икону принесли в Малахово и она пробыла в селе два дня: 6 и 7 сентября. В эти дни с раннего утра до позднего вечера перед иконой совершались молебны. Поздним вечером 7 сентября Иерусалимская икона, сопровождаемая местными жителями, была возвращена в Бронницы. После этого эпидемия прекратилась³⁶.

Церковь великомученика Дмитрия Солунского в селе Малахове в советское время не закрывалась. В 1940-е годы, после закрытия бронницких храмов, Иерусалимская икона Богоматери была перенесена из Бронниц в Малахово. Об этом рассказывает в следующей главе.

Церковь великомученика Дмитрия Солунского в селе Малахове

Продолжение следует

Петр Георгиевич Чистяков

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Современная Истра.
2. Современный Ногинск.
3. В 1797 году Никитский уезд был упразднен, а сам Никитск стал заштатным городом (то есть городом, не имеющим уезда). В 1801 году указом императора Александра I Никитск был лишен статуса города и вновь стал селом Кольчевым (современное Кольчево Домодедовского района Московской области).
4. Полное собрание законов Российской Империи. Т. 21. С. 277–278.
5. Как сообщает Б.С. Белокуров в своей статье, посвященной истории Бронниц и Бронницкого уезда, «по данным 1787 г. по числу жителей, город Бронницы среди других городов Московской губернии стоял на восьмом месте, он имел 1542 чел. жителей, по числу домов он стоял также на восьмом месте (223 дома), по величине купеческих капиталов — на пятом месте (64430 руб.)» — см. Бронницкий

уезд. Экономический сборник с рисунками в тексте и приложением карты уезда. М., 1928. С. 19.

6. *Вайнтрауб Л.Р.* Собор святого Архангела Михаила в Бронницах. М., 2005. С. 25–26.

7. *Добров И.П., прот.* Чудотворная икона Божией Матери «Иерусалимская» в городе Бронницах, Московской губернии (историческое ее описание). М., 1916. С. 15–16.

8. ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 1746. Л. 1149–1230 об.

9. Там же. Л. 1216 об.

10. Там же. Ф. 707. Оп. 1. Д. 1094. Л. 19.

11. *Добров И.П., прот.* Чудотворная икона Божией Матери «Иерусалимская» в городе Бронницах... С. 15–16.

12. Там же. С. 16.

13. ЦГА Москвы. Ф. 707. Оп. 1. Д. 1094. Л. 30 об.

14. *Толгский В.Г., прот.* Сказание о высокочтимой иконе Богородицы Иерусалимская, что в городе Бронницах Московской губернии. М., 1908.

15. *Добров И.П., прот.* Чудотворная икона Божией Матери «Иерусалимская» в городе Бронницах... С. 16–17.

16. Иверская икона Богородицы славилась исцелениями и была широко известна в народе. Ее также, как и Иерусалимскую, носили по Москве практически постоянно. По этой причине существовало два ее списка: один находился в Иверской часовне Воскресенских ворот Китай-города, другой носили по Москве. Принесение иконы в дома москвичей и крестный ход с ней описан, в частности, в автобиографической повести И. С. Шмелева «Лето Господне».

17. *Добров И.П., прот.* Чудотворная икона Божией Матери «Иерусалимская» в городе Бронницах... С. 17.

18. Там же. С. 17–18.

19. Записки сельского священника: Дневниковые записи священнослужителя единоверческого храма Архангела Михаила села Михайловская Слобода протоиерея Стефана Смирнова, написанные им самим с 1905 по 1933 год. М., 2008. С. 84–85.

20. К 50-летию юбилей принятия чудотворной иконы Богородицы «Иерусалимской» прихожанами села Михайловская Слобода, Бронницкого уезда, из

Бронницкого соборного храма // Московские церковные ведомости. 1914. № 18. С. 336–338.

21. ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 5. Д. 50. Л. 185–186.

22. Об истории Михаило-Архангельского единоверческого храма в селе Михайловской Слободе см.: *Саранча Е., свящ.* Единоверческий храм Архангела Михаила села Михайловская Слобода. М., 2017.

23. *Добров И.П., прот.* Чудотворная икона Божией Матери «Иерусалимская» в городе Бронницах... С. 18–19; *Толгский В.Г., прот.* Сказание о высокочтимой иконе Богородицы Иерусалимская...

24. *Добров И.П., прот.* Чудотворная икона Божией Матери «Иерусалимская» в городе Бронницах... С. 19.

25. *Левкиевский С., прот.* Торжество в городе Подольске // Московские церковные ведомости. 1916. № 39–40 (3 октября). С. 570–572.

26. *Добров И.П., прот.* Чудотворная икона Божией Матери «Иерусалимская» в городе Бронницах... С. 19; *Толгский В.Г., прот.* Сказание о высокочтимой иконе Богородицы Иерусалимская... Сведения об этом были почерпнуты авторами из церковной летописи Воскресенской церкви Павловского Посада.

27. *Троицкий Т.* Историко-археологическое описание Павловского Посада Московской губернии // Богородский край: Альманах. Ногинск-Богородск, 2000. № 1 (6). С. 12.

28. ЦГА Москвы. Ф. Р-1215. Оп. 4. Д. 36. Л. 88.

29. Окончание крестных ходов было связано с циркуляром НКВД № 96/16 от 7 марта 1927 года, запретившем выносить богослужебные предметы из церквей.

30. *Добров И.П., прот.* Чудотворная икона Божией Матери «Иерусалимская» в городе Бронницах... С. 19.

31. Там же.

32. ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 780. Д. 1928. Л. 217 об.–218.

33. Там же. Л. 220 об.–221.

34. Там же. Ф. 1786. Оп. 1. Д. 772. Л. 2.

35. Там же. Ф. Р-1215. Оп. 1. Д. 369. Л. 220.

36. *Добров И.П., прот.* Чудотворная икона Божией Матери «Иерусалимская» в городе Бронницах... С. 20.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

М. Н. ДУШИН. ДУХОВНАЯ ЖАЖДА

К двухсотлетию юбилею П. И. Мельникова-Печерского

«**Н**аполеон I сделал страшную ошибку, войдя в Москву. Если бы он, притворившись в Египте мусульманином, вместо того, чтобы превращать кремлевские соборы в конюшни, взял бы с Рогожского кладбища раскольнического попа, заставил бы его отслужить в Успенском соборе обедню и объявил бы восстановление в России старой веры и старого быта, обошел бы с раскольниками крестным ходом Кремль Московский — война 1812 года имела бы другой исход». Эти необычные, но в то же время подкупающие своей смелостью слова принадлежат человеку, который в качестве чиновника особых поручений большую часть своей жизни посвятил именно вопросу старой веры — изучению трагического для истории России церковного раскола. А изучал Павел Иванович Мельников (творческий псевдоним — Андрей Печерский) быт и мировоззрение простого народа «лежа у мужика на полатях, а не сидя в бархатных креслах в кабинете». Что же позволило ему высказать столь странное предположение относительно возможной реакции простых мужиков на «объявление о восстановлении в России старой веры»? Сегодня нам, живущим в светском государстве «открытого общества», даже трудно себе представить, как чувствовали, мыслили, как осознавали себя, свою связь с Богом в старину жители общества традиционного, где мир есть творение Божие,

Павел Иванович Мельников
(Андрей Печерский).
С. литографии 1860-х годов

а человек — часть замысла Творца, и никак иначе. А Вера не атрибут поведения, она — само существо жизни. И без нее, без Веры в Создателя, нет ни Любви, ни Надежды. Трудно представить... Но давайте попытаемся. Это один из немногих шансов обрести духовную близость со своими предками. Для нас они мертвы, но живы в наших молитвах, и не будем забывать, что их значительно больше, чем нас, ныне живущих. Время летит неукротимо быстро, и потому любое обращение к нашему прошлому, к Святой Руси имеет смысл лишь как приобретение духовного опыта в настоящем. Много ли в нас святого, много ли русского...? Какова сила нашей веры сегодня? Ведь согласно словам апостола Павла, «праведный Верою жив будет», «а без Веры угодить Богу невозможно», цель же стояния в вере — спасение души.

Разговор о творчестве П. И. Мельникова — хороший повод еще раз вспомнить о своих корнях. Для него, да и для многих его современников века девятнадцатого, события времен царя Алексея Михайловича уже оказались забытыми, непонятыми: «Раскол и раскольники представляют одно из любопытнейших явлений в исторической жизни русского народа. Но это явление, хотя и существует более двух столетий, остается доселе надлежащим образом неисследованным. Ни администрация, ни общество обстоятельно не знают, что такое раскол!...» Такое положе-

ние вещей было для автора этих строк неприемлемым. Уже двадцатилетним юношей он опубликовал ряд статей по краеведению, этнографии, занимался статистикой и, будучи на государственной службе, проводил много времени как в архивах, изучая старину, так и в командировках, исследуя купеческий, мещанский и крестьянский быт.

Начиная с должности корреспондента Археографической комиссии, Мельников ведет неустанные служебные и научные разыскания. Его жизненный и творческий путь очень показателен в смысле становления и эволюции взглядов на интересующую нас тему — бытие древлеправославия в эпоху оскудения веры, секуляризации, иноземных новшеств, все глубже проникающих в жизнь людей. Далеко не сразу историк и писатель П.И. Мельников осознал истинный национальный трагизм и цивилизационный масштаб реформ

середины семнадцатого века, долгое время звучал почти глумливый голос Андрея Печерского, разделявшего господствующий взгляд на искоренение старого обряда и его последователей — раскольников и сектантов. Борьба с ними оказалась делом не простым: «С 1827 года раскол не только не ослабел, но значительно усилился, и число раскольников чрезвычайно умножилось <...> Во всей же России раскольников оказалось свыше 10 миллионов». Впоследствии автор статистических данных и множества служебных записок поймет, что эти цифры сильно занижены, они складываются из наблюдений за так называемыми «записными раскольниками», а сколько их в «нетях»... По сути — вся

непередовая, необразованная и непросвещенная часть населения. Почти все Поволжье, Сибирь, Поморский край и т.д. Даже во время изучения вероисповедания жителей не далеких от Москвы земель Мельников с удивлением напишет: «...Из четырех с половиной тысяч населения обеих местностей едва ли не четыре пятых принадлежит к расколу, хотя большинство по церковным росписям и значится православным».

Но, думается, не только статистика и общественное положение раскольников заставляло молодого чиновника все более отдаваться этой проблеме. Было что-то еще... Что-то главное, что призывно манило, отзывалось в душе. Нельзя было просто отметить этот суровый, беспокойный, но духовно богатый, могучий пласт русской жизни. «Русская публика жаждет уяснения этого предмета, горячо желает, чтобы путем всепрощающего анализа

разъяснили ей наконец загадочное явление, отражающееся на десятке миллионов людей и не на одной сотне тысяч народов в Пруссии, Австрии, Дунайских княжествах, Турции, Малой Азии, Египте и, может быть, Японии». А какие же духовные ценности исповедует просвещенная русская публика к началу девятнадцатого столетия? Каких жизненных приоритетов держится после петровских и екатерининских времен? Чем обогатило душу засилие иноземных понятий? Почему для образованной части населения традиционное верование, обычаи дедов и прадедов стали «загадочным явлением»? Вот и стала в растерянности русская публика. Это одурманенный западноевро-

Павел Иванович Мельников

пейским просвещением ум желает всегда быть в курсе, а душа — христианка. Она жаждет...

Зачастую отсутствие истинно живой веры, равнодушное отношение к религии в целом требовало от пытливого ума и горячего сердца ответов на беспокоившие внутренние вопросы. Народное сознание, просто и искренно уповающее на милость Божию, проблемой смысла жизни не мучалось, а вот «общество почище», если позволительно так выразиться, страдало духовными поисками. Сейчас это явление называют «кризис среднего возраста», когда человек, не укорененный в церковном богообщении, достигши определенного периода жизни, задается вопросом: «а что же дальше?» Очень показательным в этом смысле мировоззрение Л. Толстого, который тоже, кстати, среди прочего искал истинную веру и в старооб-

рядческой среде. Для Мельникова вопрос веры не стоял, но позицию раскольников он очень желал осмыслить в полной мере. «И вот этой общественной задаче П.И. Мельников целиком посвятил и свою жизнь, и все свое творчество, — пишет один из исследователей его наследия А. Ланшиков, — а вся его долголетняя чиновничья служба, по сути дела, была научно-изыскательской работой, которая позволила ему досконально изучить один из сложнейших и запутаннейших вопросов русской истории и русской действительности... изучить с точки зрения исторической, религиозной, социальной, нравственной и бытовой. Он не только собирал и изучал документы, связанные с «расколом», он пылливо изучал самих раскольников, заводил с ними тесное знакомство, вступал в переписку, в нем одновременно жили историк и писатель».

Как историк Мельников-Печерский оставил две наиболее значительные работы: «Письма о расколе» и «Исторические очерки поповщины». В примечании к последним издателям справедливо замечают, что автор «смотрит на раскол с позиций просветительского неприятия», и в подтверждение приводят цитату из докладной записки министру внутренних дел: «Не надобно забывать, что раскол... есть порождение грубости и невежества и что он должен со временем уничтожиться, когда просвещение проникнет в низшие слои народа. Перед светом общечеловеческого образования не устоять расколу, если не будут воздвигаться на него новые преследования и новые гонения».

Именно таким настроением проникнуты «Письма о расколе». Держаться старого обряда могут лишь люди невежественные. «Девять десятых самих раскольников вполне не сознают, что такое раскол». Осознание этого и поставил себе благородной целью автор. Считавший вместе с другими староверов чуть ли не сектантами он, по счастью, избирает правильный путь, желая стать с раскольниками лицом к лицу, «пожить

в раскольнических монастырях, в скитах, в заимках, в кельях, в лесах и т.п., изучить его (раскол) в живых проявлениях, в преданиях и поверьях, свято сохраняемых целым рядом поколений... узнать воззрение раскольников разных толков на мир духовный и мир житейский...» Но долгое время ученому не удавалось уйти от стереотипного взгляда на старый обряд, что позволило современному исследователю его творчества охарактеризовать этот взгляд как «наивные рассуждения об истории расколов в Русской Церкви» (В. Боченков). И действительно, стоит лишь больше просвещать народ, привести его к свету образованности и рассеется тьма, уйдут сами собой наветы невежества, грубые пережитки старых времен, считал автор «Писем», законченных в 1860 году. Вместе с тем он понимал, что только лишь грубыми нравами не объяснить нежелание старообрядцев прийти в общение с Великороссийской Церковью. Через восемь лет в другом своем основательном исследовании «Тайные секты» Мельников-Печерский формулирует само понятие раскола, справедливо замечая, что действия

раскольников «потому собственно и называются расколом или ересью, что они отрывают себя не только от внутреннего единомыслия, но и от внешнего общения с Церковью. Считая только себя единственно и исключительно правыми по вере, раскольники и еретики поставляют долгом совести выказывать это расторгением всех связей с пребывающими верными Церкви...» Надобно заметить, что беспоповские согласия староверов в сознании Печерского ассоциировались не иначе как с сектами, в отличие от поповских, имеющих шанс преодолеть раскол в рамках единоверия. Но порой автору удавалось беспристрастно взглянуть на историю раскола, и тогда он констатировал весьма прискорбное положение вещей — раскольниками, отрицателями священства и таинств люди становились не по сути, а по факту. По факту церковных реформ, не ими затеянных, по факту исправления дорогих сердцу молитвенных книг и освященных святыми отцами обрядов, по факту насаждения не русских обычаев и нравов.

Кто же такие эти «считающие только себя единственно и исключительно правыми по вере раскольники»? Вот ответ самого Печерского: «Все люди набожные, все люди, преданные Церкви, уклонились от Никона и образовали раскол... Напротив, люди более или менее равнодушные приняли все, введенное Никоном. Сюда принадлежало большинство людей высших классов тогдашнего общества. Нелегко было и им переучиваться креститься: по привычке, усвоенной с младенчества, правая рука все складывала для крестного знамения два перста, но понемногу эти люди приобрели навык креститься по-новому». «Как же, — говорили они, — ведь по этим книгам столько лет Божественную службу правили, ведь по этим книгам Святыя Тайны совершали и нас освящали, а теперь эти книги не в книги? По этим книгам святыя отцы Богу угодили, а теперь они негодны стали! Кто же правее, кто же святее: святыя отцы и преподобные или Никон? Вразумлять так говоривших, — пишет П.И. Мельников, — что таин-

ство и души человеческие освящаются не внешним обрядом и не старыми или новыми книгами, а верою и благодатью, что исправление обряда необходимо — было совершенно невозможно».

«Ужасом поражены были люди набожные, строгие ревнители старины и обряда; для ненабожных было все равно» — такой констатацией фактов открывает Мельников-Печерский свои «Очерки поповщины». Как ни пытается автор и здесь буквально по-щедрински сатирически изобразить старообрядческое священство, все же и ему становится очевидной главная цель приверженцев старого обряда — восстановление священства ради спасения души. Задолго до написания «Очерков», уже в конце 50-х годов Мельников составлял специальную «Записку о старообрядчестве», написанную для Великого князя Константина Николаевича. Вот что он пишет: «В церковном отношении поповщинский раскол (старообрядцы) едва ли даже может правильно назваться расколом. Последователи его, имея то же исповедание веры, как и православные, безусловно признают все каноны и уставы восточной католической церкви и совершают те самые обряды, которые до 1654 года совершала вся Россия и которые потом, с 1800 года, представлено открыто совершать единоверческим священникам...» Уже здесь автор «Записки» косвенным образом свидетельствует о единоверии как о возможном пути преодоления раскола.

Для традиционного сознания изменения, вводимые в строгий порядок богослужения (читай — богообщения), есть поистине ужас и катастрофа. И какие изменения? Кто может внятно объяснить, хотя бы запрещение в Символе Веры называть Духа Святаго Господом истинным? И кто вносил эти изменения? Святыя отцы? Да нет, в своем «Пятом письме» Павел Иванович пишет: «...раскол был голосом консерватизма, протестом русского народа против иноземного влияния, против наплыва нововведений в русскую гражданскую жизнь, а главное, против самоуправства Никона». Автор письма хорошо

изучил как сам быт, нравы, так и религиозную жизнь приверженцев старой веры. Он имел возможность наблюдать нерушимую связь между внешним обрядом, уважением к старине, к преданиям своего народа и духовным состоянием, внутренними душевными идеалами. Предкам же нашим было не все равно. Они видели, к чему ведет оскудение национальных и религиозных устоев. Видел это и герой нашего рассказа. Дадим слово Мельникову-Печерскому. Цитата из «Очерков поповщины» будет обширной, но она того стоит. Стоит даже помещения в учебники истории.

«Петр I воротился из-за границы, обритый, в немецком платье, и стал переделывать Русь на "немецкий манер". Сведали старообрядцы, что, возвратясь в Москву, он, не заезжая ни в Кремль, к тамошним чудотворцам, ни к Иверской Божьей Матери, прямо проехал на Кукуй, в Немецкую слободу, в дом виноторговца Монса, где с его дочерью и Лефортом прокутил целую ночь. На другой день по приезде, когда представлялись к нему бояре, он обрил их, кроме только двух, и затем велел всех русских людей бороды лишать и всем немецкое платье надевать. Через пять дней, в день Нового года (1-го сентября), вопреки древнему, свято чтимому обычаю, Петр не явился на Кремлевской площади в царском облачении и не принял, по древнему обыкновению, благословения патриарха и поздравления от бояр и от народа, и сам не "здравствовал народ" с новолетием. Зато в этот самый день был на пиру у Шеина, много пил и велел шутам

Павел Иванович Мельников

резать последние боярские бороды. Через неделю по приезде был пир у Лефорта, на пиру бритый царь, бритые бояре и немцы с женами и дочерьми сильно выпили. Музыка гремела; царь плясал с немками. Через двенадцать дней по приезде, не допустив царицу на глаза, постриг ее и заточил в Суздальский монастырь. Отправив такие пиры, принялся Петр за кровавый пир — за стрельцов: через три недели по возвращении его из чужих краев начался стрелецкий розыск. Стены Кремля были утыканы стрелецкими

головами, и сам царь в Преображенском рубил головы стрельцам. Петр публично ел скоромное по постам. Изменил исчисление, перенес Новый год с сентября на январь. Соблазнились и смутились русские люди больше, чем сто лет перед тем смущались они во дни Гришки Отрепьева. "Да впрямь царь ли он? Не по-царски поступает. Не новый ли это у нас Гришка Расстрига объявился?" — заговорили в народе. И пошли толки: "благочестивый царь Петр Алексеевич поехал в Стеклянное государство и там пропал без вести" — "а кто же теперь на Москве царство держит?" <...> "Петр — немец, швед, подметный царь, антихрист, не повинаться ему, братися с ним, яко со врагом Господним, яко с антихристом, сам Бог повелевает". Это, разумеется, взгляд «приверженцев старины». Обличая грубость и невежество, темноту и непросвещенность раскольников, сам автор упомянутой цитаты не отрицает, что русский быт и сермяжный дух национальный были противны Петру, противны духу

М.В. Несторов «Великий постриг»

народов западных, по образцу которых он перестраивал Россию. Нам не хотелось бы в данном случае прослыть мракобесами и ретроgrадами, не был таковым и П.И. Мельников, но принимать полезные нововведения — это одно, потерять собственное лицо, национальную самоидентификацию, похоронить вековые предания и традиции своих предков — совершенно другое. И совсем уж плачевно — пошатнуть церковные устои. Петр не реформировал страну, он целенаправленно уничтожал прошлое, в том числе церковную иерархию. Был упразднен не только сан патриарха, но и митрополичьи кафедры. «Ревностные поборники ненавистной ему старины» упразднились во всех сферах.

В обычаях любого традиционного общества было отторжение иноземного влияния. Иначе — полная потеря самостоятельности — государственной и духовной. Видимо, в какой-то момент то же ощутил и П.И. Мельников, сама выбранная им проблематика заставила произнести в 1866 году (в то время он был чиновником особых поручений при министре внутренних дел): «Среда раскольническая... имеет в себе немало хороших сторон, которых каждый истинно русский человек не может не пожелать и себе, и всем своим православным собратам». Вот так! В своих посланиях министру П.А. Валуеву Павел Иванович, надобно сказать, вообще был довольно откровенен и выражал порой то, что не мог высказать в печати.

Окончание следует

СТРАНИЦЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

ИЛЬЯ СУРГУЧЕВ.
«ДЕТСТВО ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II»
(ПО ВОСПОМИНАНИЯМ В.К. ОЛЛЕНГРЭНА).
Публикуется в сокращении. (Продолжение. Начало в № 5)

ЖИЗНЬ И УЧЕНИЕ

Будущий Император Александр III (которого я считаю Государем гениальным) хорошо понимал, что детей своих не нужно особенно отдалять от земли и делать из них небожителей. Тепличные растения — не прочны. И потому на меня, на обыкновенного шалуна и забияку, он смотрел благосклонным глазом и прощал мне многие штуки. Я был представитель той простой, обыкновенной жизни, которую ведут миллионы его подданных, и, очевидно, по его плану нужно было, чтобы к этой обыкновенной жизни причастился будущий хозяин жизни, а пока что его маленький сын.

Ники обожал следить за полетом птиц. Через многие десятки лет я и теперь не могу забыть его совершенно очаровательного личика, задумчивого и как-то мрачно-тревожного, когда он поднимал кверху свои нежные, невинные и какие-то святые глаза и смотрел, как ласточки или какие-нибудь другие птицы вычерчивают в небе свой полет. Я это так любил, что иногда обращался с просьбой: «Ники, посмотри на птиц!»

И тогда он, конечно, не смотрел, а в смущеньи делался обыкновенным мальчишкой и старался сделать мне салазки.

Он очень любил изображение Божией Матери, эту нежность руки, обнявшей Младенца, и всегда завидовал брату, что его зовут Георгием, потому что у него такой красивый святой, убивающий змея и спасающий царскую дочь.

— Вот так и я бы спас нашу Ксеньюшку, если бы на нее напал змей, — говаривал часто маленький Великий Князь, — а то что же мой святой, старик и притом сердитый?

Он раз даже позондировал у моей мамы почву, нельзя ли ему перестать быть Николаем и быть Георгием.

— Ну что ж? — говорил он в ответ на возражения мамы. — Мы будем два Георгия: один большой, другой — маленький.

Он обожал свою мать. Впрочем, обожал ее и я. Да и не знаю, кто ее не обожал? Вот это было божество в полном значении этого слова. Я дурак, мальчишка, лишился слова в ее присутствии. Я разевал рот и, застыв, смотрел на нее в божественном восторге.

Детская половина состояла из приемной, гостиной, столовой, игровой и так называемой опочивальни, в которой стояло три кровати. В игровой комнате был песок, качели, кольца, всяческие игрушки.

Кровати в спальне были особенные, без подушек (что на первых порах меня убивало), были невероятной упругости матрацы с валиками в головах. Был умывальник с проточной водой. Ванны не было, и купались дети у матери в четвертом этаже. Я — у себя дома.

Занятия захватили Великого Князя. Мир тетрадок, которые ему казались сокровищами, которые жалко пачкать чернилами. Мир очаровательных и таких, в сущности, простых книг, как

«Родное Слово», с картинками, от которых нельзя оторваться. В особенности занимала его картинка «Вместе тесно, а врозь скучно» и серый воздушный шар. Совершенно очаровало его стихотворение «Румяной зарею». Не знаю, то ли уютный ритм этих строф, то ли самые картины утра, выраженные в стихе, но он, по неграмотности, сам еще не мог читать и все просил маму, чтобы она читала, и, когда она читала, он благоговейно шевелил губенками, повторяя слова. И опять его больше всего завораживала фраза: «Гусей караваны несутся к лугам». Я, признаться, не понимал этого, но чувствовал, что это интересно, как-то возвышенно,

что это какой-то другой склад, мне недоступный, и вот по этой линии я инстинктивно чувствовал его какое-то превосходство надо мной.

Ники только тогда согласился писать в тетрадке, когда мама показала их целую гору в запасе. У него было необыкновенное уважение к бумаге: писал он палочки страшно старательно, пыхтя и сопя, а иногда и потея, и всегда подкладывал под ладонь промокательную бумагу. Часто бегал мыть руки, хотя тут, пожалуй, была предлогом волшебна лившаяся из стены вода. Его писанье было девически чисто, и тетради эти мать потом благоговейно хранила.

Ученье начиналось ровно в девять. Уроки были по 50 минут, десять минут — перемена. Вне урока рисовали огромного папу и маленькую маму с зонтиком. Иногда на уроках бывал Великий Князь Георгий: этот только смотрел, слушал, вздыхал и норовил как бы поскорее выбрать такой промежуток, чтобы поскорей стрелкнуть из комнаты в сад. И мы смотрели ему вслед с искренней завистью.

В годах 1876, 1877, 1878 и 1879 все предметы, начиная с грамоты, преподавала одна моя мать по программе для поступления в средние учебные заведения. Когда эта программа была выполнена и для дальнейших занятий был намечен генерал Данилович, была приглашена особая комиссия, которая произвела экзамен Великому Князю. Экзамен прошел блестяще. Тогда были приглашены учителя: Коробкин (математика), Докучаев (русский язык), протопресвитер Бажанов (Закон Божий), преподаватели географии и истории. Много позднее были приглашены преподаватели французского, немецкого и английского языков.

ПАСХА В АНИЧКОВОМ ДВОРЦЕ

Начиная с Великого четверга, церковные службы происходили вечером. В пятницу был вынос плащаницы, на котором мы обязательно присутствовали. Чин выноса, торжественный и скорбный, поражал воображение Ники, он на весь день делался подавленным и все просил маму рассказывать, как злые первосвященники замучили доброго Спасителя. Глазки его наливались слезами, он часто говаривал, сжимая кулаки: «Эх, не было меня тогда там, я бы показал им!» И ночью, оставшись одни в опочивальне, мы втроем разрабатывали планы спасения Христа. Особенно Ники ненавидел Пилата, который мог спасти Его и не спас.

Помню, я уже задремал, когда к моей постельке подошел Ники и, плача, скорбно сказал:

— Мне жалко, жалко Боженьку. За что они Его так больно? Подскочил и Жоржик и тоже с вопросом:

— Плавда, за что?

И до сих пор я не могу забыть его больших возбужденных глаз. Время до воскресения дети переживали необычайно остро. Все время они приставали к маме с вопросами:

— Боженька уже живой, Диди? Ну скажите, Диди, что он уже живой. Он уже ворочается в своей могилке?

— Нет, нет. Он еще мертвый, Боженька.

И Ники начинал капризно тянуть

— Диди... Не хочу, чтобы мертвый. Хочу, чтобы живой...

— А вот подожди. Батюшка отвалит крышку гроба, запоет: «Христос Воскресе», — тогда и воскреснет Боженька...

— И расточатся врази Его? — тщательно выговаривал Ники непонятные, но твердо заученные слова.

— И расточатся врази Его, — подтверждала мать.

— Я хочу, чтобы батюшка сейчас сказал: «Христос Воскресе»... Вы думаете, хорошо Ему там во гробе? Хочу, чтобы батюшка сейчас сказал... — тянул капризно Ники, надувая губы.

— А этого нельзя. Батюшка тебя не послушается.

— А если папа скажет? Он — Великий Князь.

— И Великого Князя не слушает.

Ники задумывался и, сделав глубокую паузу, робко спрашивал:

— А дедушку послушается?

— Во-первых, дедушка этого не прикажет.

— А если я его попрошу?

— И тебя дедушка не послушается.

— Но ведь я же его любимый внук? Он сам говорил.

— Нет, я — его любимый внук, — вдруг надувшись басом говорил Жоржик. — Он мне тоже говорил.

Ники моментально смирился: он никогда и ни в чем не противоречил Жоржику. И только много спустя говорил в задумчивости:

— Приедет дедушка, спросим.

На самом же деле любимицей Императора Александра Второго была маленькая Ксения. Приезжая во дворец, Император не спускал ее с колен, тетешкал и называл: «Моя красноносенькая красавица».

Для царских детей привозились самые занятные, самые драгоценные игрушки, сделанные в России и за границей, но все это занимало их внимание только какой-то первый момент. Иное дело выстроить из песка домик для дедушки или из снега — крепость для защиты России, — это было свое, это было драгоценно. Каждый день летом подавалось мороженое, сделанное по драгоценным рецептам. Это имело успех, но что это было в сравнении с тем мороженым, которое мы сами делали из песка с водой?

Продавцом этого мороженого был всегда, к нашей глубокой зависти, Жоржик. У него была ложка, сделанная из битой бутылки, и эта ложка, сделанная нами сами, хранилась под заветным деревом в саду. Нами была произнесена страшная клятва, чтобы никому, даже дедушке, не выдавать ее местопребывания.

И потому, когда я сказал, что иду сейчас в мамину квартиру, где Аннушка красит яйца, то впечатление было такое, будто гром ударил среди ясного неба!

Что такое красить яйца? Как это так красить яйца? Разве можно красить яйца? И в сравнении с этим любопытством, чего стоили все красивейшие фарфоровые яйца, изготовленные на Императорском заводе.

Аннушка делала какую-то особенно прочную краску из лукового настоя, который разводила в глиняной миске. Вся мамина квартира пропахла луком, так что Ники даже осведомился:

— Чего это так в глаза стреляет?

Но когда он увидел, как обыкновенное белое яйцо, опущенное в миску, делается сначала бурым, а потом — красным, удивлению его не было границ. Аннушка, добрая девка, снизошла к нашим мольбам, засучила нам троим рукава, завесила грудь каждому какими-то старыми фартуками и научила искусству краски. И когда изумленный Ники увидел, как опущенное им в миску яичко выкрасилось, он покраснел от радости и изумления и воскликнул:

— Это я подарю мамочке!

Забрав в руки плоды своего искусства, мы, с невероятно вымазанными руками, следовали на свою половину. Для нас весь мир исчез. Важно было донести целыми и не раздавить яички, предназначенные то маме, то папе, то дедушке.

Начали мыть нам руки, принесли песку, но краска так и не отмылась до самой Фоминой.

Во время христосования отец Ники вдруг потянул носом и спросил:

— Что-то ты, брат, луком пахнешь, а?

И тут заметил его неоттертые руки.

— А ну ты, Жорж? Ты, Володя?

Понюхал всех. От всех несло луком.

— В чем дело?

Мать объяснила происшествие. Александр Александрович расхохотался на весь дворец:

— Так вы малярами стали? Молодцы! А где же ваша работа?

Мы бросились в опочивальню и принесли свои узелки.

— Вот это папе, это — маме, это — дедушке.

Александр Александрович развел руками:

— Вот это молодцы, это молодцы! Хвалю. Лучше всякого завода. Кто научил?

— Аннушка.

— Шаль Аннушке! И пятьдесят рублей денег. А вам по двугривенному. Сколько лет живу на свете, не знал, что из лука можно гнать краску!

И через несколько минут после его ухода нам принесли по новенькому двугривенному.

ИЗДАНИЕ МИХАИЛО-АРХАНГЕЛЬСКОЙ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ

Главный редактор: *священноархимандрит Иринарх (Денисов)*

Ответственный за выпуск: *протоиерей Евгений Саранча*

Дизайн и верстка: *Я. Хорева*

Корректоры: *Н. Яшина, П. Чистяков, В. Каменская, С. Лукин*

Фото: *протоиерей Евгений Саранча*

Дорогие читатели, низжайше просим вас после прочтения очередного номера нашего издания не использовать его ненадлежащим образом, памятуя о том, что в нем находятся священные изображения и надписания священных имен Господа Иисуса Христа, Пресвятыя Богородицы и святых угодников Божиих.

Если небрежением или по незнанию сделали что неправильно или неискусно, Вы, православные христиане, простите нас, Христа ради, да и Вас простит Господь Бог наш. Аминь.